

21 ДЕКАБРЯ литературная общественность будет отмечать 60-летие со дня рождения видного советского драматурга и публициста В. В. Вишневского. Сегодня мы печатаем отрывок из воспоминаний писательницы О. К. Матюшиной, которая рассказывает, как В. Вишневский совместно с А. Кроном и В. Азаровым создавали пьесу «Раскинулось море широко».

О. МАТЮШИНА

В домике на Песочной

Август 1942 года стоял теплый, солнечный. Гряды в моем огорожке походили на зеленые волны: ветер гнул к земле вытянувшуюся ботву.

Заскрипела калитка. Я услышала знакомые голоса. Это вошли три писателя-балтийца. Здороваясь, они попросили приютить их на месяц.

С изумлением гляжу на гостей. Думаю — шутят? Они же военные, живут там, где им полагается: Вишневский — в общежитии, поэт и драматург — на кораблях.

Тут Вишневский объяснил, что Военный совет Балтфлота поручил им написать пьесу к двадцать пятой годовщине Октябрьской революции, а условия для спешной работы у них неподходящие.

Поэт и Ежиж (как я про себя звала драматурга) вскоре перебрались ко мне. В первых числах сентября 1942 года переехал и Всеволод Витальевич. В квартире у нас воцарился военный стиль. Этому больше всего способствовал бравый, насмешливый Смирнов, связанной Вишневского.

Питались мои писатели в то время плохо. Осенью 1942 года продуктов в город поступало несколько больше, чем в первую блокадную зиму, но все же пайки были мизерные.

«Трудно им!» — думала я. Писали они не только целыми днями, но и ночами, при крохотной керосиновой лампе.

Обычно я всем посетителям отвечала: никого нет дома. Так просили меня писатели. Не до гостей им было. Но как-то вечером Вишневский предупредил, что может заехать член Военного совета Балтфлота:

— Он собирается посмотреть, как мы живем.

— Когда же он придет?

— Может — сегодня, может — завтра. Когда у него будет время. Вишневский снова уселся за стол и погрузился в работу.

Я хотела навести порядок в комнатах. И вдруг — звонок! Бегу открывать. Входит военный.

— Здесь живет капитан второго ранга Вишневский?

— Здесь, — говорю и приглашаю подняться наверх.

Военный вытащил из кармана ручной фонарик, зажег его, построил на верхней ступеньке лестницы и выбежал на улицу.

Я едва успела предупредить Вишневского, как в кухню быстро вошли двое военных. Адъютант поднял обе руки с зажженными фонариками.

Вишневский, Ежиж и поэт стояли навытяжку. По-военному докладывали, что у них написано и сколько еще осталось. Поговорив с ними, член Военного совета спросил меня, улыбаясь:

— Как они себя ведут, хозяйшка? Довольны вы своими жильцами?

— Очень довольна! Только вот одно плохо...

— Что такое?

— Плохо они питаются.

Он повернулся к своему адъютанту и шепнул ему что-то. Тот сейчас же исчез.

— Может быть, еще в чем-нибудь нуждаетесь? — дружески спрашивал военный писателей. Те твердо заявили, что у них есть все.

В это время снова появился адъютант с пакетом в руках. Развязывая сверток, я поверить не могла. Вытаскиваю буханку хлеба, колбасу, селедki! «Вот, думаю, теперь они куда скорее запишут!».

В присутствии начальства мои писатели робко съели по кусочку колбасы. Зато после его ухода с каким наслаждением набросились они на щедрый подарок!

После посещения начальства и подкормки писатели и на самом деле воодушевились. Днем и ночью работали — кто за столом, кто приткнувшись к подоконнику, кто скорчившись на диване.

— Дело у нас подвигается. Надо искать название, — объявил Вишневский.

Все задумались. Решили учредить конкурс — кто скорее и лучше придумает.

Смешно было на них смотреть. Ходят задумчивые, сосредоточенные, что-то бормочут про себя. Потом кто-нибудь радостно выпалит название. Но товарищи молчат. Значит — неподходяще.

И совершенно неожиданно Ежиж произнес:

— Раскинулось море широко.

Всем понравилось. Так я решила назвать пьесу. Ежижу принадлежала первая премия.

— Хочу хлебного квасу! — заявил он. Все захохотали.

— После блокады подучите! — серьезно сказал Вишневский.

Нервничают мои писатели. Об отсрочке думать не приходится. Седьмого ноября они должны порадовать ленинградцев веселым, жизнеутрачивающим спектаклем.

— Готово! — сказал, наконец, Вишневский. — Славно поработали. За семнадцать дней написали пьесу.

— Зачем же вы скулили, что не успеете? — спросила я осунувшихся, но радостных сочинителей.

— Это чтоб подбодрить себя, —

засмеялся поэт и опять замурлыкал песенку разведчицы:

Я не сдвину ни камня, ни

ветки,

Пробегу, словно капля дождя,
По написаным, строгим
законам разведки,

Отвечая сама за себя...

На следующий день балтийцы принялись чистить пуговицы, утюжить брюки. Вышли гусяком. Впереди коренастый Вишневский. Он шел, опустив голову. Должно быть, продолжал думать над пьесой. Дальше — Ежиж с темными бархатными глазами, как всегда — подтянутый, элегантный. Форма морского офицера так ловко сидела на нем. Последним шел поэт, тоже высокий, немного сутулящийся.

Как-то сойдет просмотр? Очень хотелось, чтоб было хорошо.

Когда вернулись, крепко дернули за звонок. Я поняла: удача! И действительно, ввалились шумные, шуточные, озорные. Даже Вишневский улыбался. Только когда увидел свежие газеты — забыл, должно быть, про пьесу и погрузился в чтение.

Наступил торжественный день 25-й годовщины нашей Великой Октябрьской революции. Фашисты неистовствуют. Хотят устроить Ленинграду кровавый праздник. Но разве можно вырвать радость из наших сердец? Нет! Мы знаем, что победим.

Наверно, немцам трудно поверить, что 7 ноября 1942 года в блокированном Ленинграде люди идут в театр. А они двинулись к Пушкинскому театру с разных концов осажденного города, по большей части пешком.

Спектакли в то время начинались в пять часов. Какой-то район уже обстреливали. Слышны были разрывы снарядов. А люди все шли и шли. Огромный, нетопленный, едва освещенный театр был переполнен. Зрители в шубах, валенках, меховых шапках занимали свои места. Всюду — в фойе, в партере, на галерке оживленно-торжественное настроение.

Когда поднялся занавес и началось первое действие, зал замер. Это был не просто спектакль. Это была великая дерзость измученных, но не сломленных, гордых ленинградцев.

Занавес падает в последний раз. Публика неистово аплодирует. Оживленные, радостные лица. Вызывают авторов. Три писателя-балтийца смущенно кланяются.